
КРУГ ЧТЕНИЯ

*М. А. Черняк,
профессор кафедры русской литературы*

ИСПЫТАНИЕ ШКОЛОЙ, ИЛИ МАРШРУТ ГЕРОЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

Новый 2010 г., объявленный Годом учителя, начался не только с торжественных заверений первых лиц государства о значимости профессии учителя, но и с ожесточенных споров о стартовавшем в начале года сериале «Школа». Те, кто уже далек от проблем школы, ужасаются и возмущаются фильмом, взрослые, близкие к образованию, констатируют, что это не искусство, а сама жизнь, так что авторам не надо было ничего придумывать; школьники же сериал просто не смотрят. Коллективный шок зрителей Первого канала вызван точным соответствием жизненного и экранного; причем точным настолько, что становится понятным естественное отвращение, порожденное и диалогами школьников — «типа, че, ниче, ка-а-роче», и серой массой учителей, и псевдодокументальной съемкой порхающей видеокамеры, как в кривом зеркале увеличивающей все изъяны. Безусловно, следует согласиться с мнением обозревателя «Огонька» А. Архангельского: «Нас долго приучали к тому, что когда речь заходит о школе, то в первых же кадрах фильма появляется Образец, который и задает моральную норму. Если бы в фильме Германики при прочих равных появился бы Настоящий Учитель с Грустью в Глазах, или Высоконравственный Четверочник с Убеждениями, или, наконец, Хулиган с Настоящим Сердцем Внутри, или Жертва Жестокости Одноклассников — словом, один из тех типов, на которых всегда держалось наше кино о переходном возрасте, — все остальное, будучи оттенено этим Учителем-образцом, Мальчиком-истиной или Девочкой-жертвой, выглядело бы не так пугающе»¹. Школа — большой вопрос для всего общества, центр притяжения сил и эмоций. Школа как особый социальный феномен одновременно объединяет и разъединяет общество. Ведь так силен эффект узнавания, сопереживания, личной памяти, наличия у каждого собственного мнения — «и я же через это прошел». Психологически точно и абсолютно узнаваемо описывает это «всеобщее знание» Евгений Гришковец в монодраме «Как я съел собаку»: «Я не могу смотреть, как ведут в школу 1 сентября первоклассников. Это просто ужасное зрелище. <...> Нарядная мама ведет чистенького, в новом костюмчике, еще не школьника, еще... маленького такого мальчика. <...> Вот приводят его к школе, там много людей, первый звонок. И там его оставляют... <...> А потом мальчик приходит из школы... такой странный... Родители спрашивают: “Ну как?” А чего “как”? <...> Да точно так же! В точности. Вы же там сами были». Сериал «Школа» не стал бы таким шоком для общества, если бы современная литература могла охватить такую же массовую аудиторию, как телевидение. Ведь литература последних лет ставит школе не менее неутешительный диагноз, чем создатели фильма. Уход общества от литературоцентризма, отказ от учительной миссии литературы закономерно привели к тому, что учитель перестал быть героем литературы. В знаковых произведениях 1970—1980 гг. о школе и учителях (А. Лиханов «Благие намерения», А. Алексин «Безумная Евдокия», В. Тендряков «Ночь после выпуска», В. Распутин «Уроки французского» и др.) общие стандарты отношения общества к школе преломлялись сквозь призму индивидуальных особенностей и личных качеств учителей. Сегодня на месте подобной литературы — зияющая пустота. Хотя востребованность ее очевидна и для писателей, и для читателей, и для издателей. В самом начале 1990-х гг. герой повести

А. Варламова “Здравствуй, князь!”, выпускник филфака МГУ, Саввушка, вдоволь намотавшись в столице времен “перестройки”, постучался в двери обычной школы в родном захолустье и спросил, не нужны ли там учителя. «Это был, пожалуй, один из самых внятных, хотя и спорных, ответов тогдашней словесности на вопрос о том, что делать в смутной новой действительности, если у тебя, как на грех, есть не только образование и мозги, но и совесть»², — справедливо полагает критик О. Лебедушкина. Жанр школьной повести переживает сегодня явно не лучшие времена. На фразу ученика, героя сериала «Школа», «я ведь личность» пожилой учитель отвечает: «Ну, положим, личность я в последний раз видел в году так в 1980-м». В этом диалоге — предельно точно звучит острота проблемы, непримиримый конфликт поколений, результатом которого является ситуация тотального непонимания и немотивированной жестокости. Вполне закономерно, что адекватное и правдивое изображение сегодняшней школы практически невозможно: ведь то, что вспоминают писатели с советским опытом о собственном отрочестве, современным молодым читателям непонятно — повседневность, язык, темп и восприятие времени, ценности за последние двадцать—тридцать лет изменились неузнаваемо; подросток 1970-х и подросток «нулевых» годов XXI в. — это совершенно разные люди. Стоит согласиться с мнением философа А. Грякалова: «Детство — всегда настоящее. В этом смысле детство одного поколения так же уникально и не воспроизводимо, как и индивидуальное существование одного ребенка. Прошлое влияет опытом традиции и инерции, будущее воздействует как проект, но осуществляется детство всегда именно как настоящее»³. Возможно, поэтому в прозе начала XXI в. явно наметилась следующая тенденция: чтобы зафиксировать проблемы настоящего, писать о современной школе начали вчерашние школьники, многие из которых стали лауреатами независимой литературной премии «Дебют». Герой отмеченного премией «Дебют» романа петербургских авторов Натальи Курчатовой и Ксении Венглинской «Лето по Даниилу Андреевичу» — выпускник истфака, специалист по средневековой Франции, знаток старофранцузской поэзии. Целый ряд проблем (неудачный любовный роман, отчисление из аспирантуры, растрата денег, подаренных уехавшей в Америку матерью) приводит Даню в школу, где есть лишь одно вакантное место — учителя домоводства для девочек, хотя статус профессии учителя в его среде явно низок: “Нелепость, молодой и неглупый мужик — и школьный учитель. Подумать смешно. Тоже мне, взвейтесь кострами, синие ночи. О такой работе в приличном баре за кружкой “гиннесса” как-то не заикнешься: справа пиарщик, слева какой-нибудь финансист, специалист по фьючерсным торгам, напротив — менеджер по продажам баллонов со сжатым кислородом»⁴. В интервью журналу «Собака. ру» (март 2008) авторы рассказывали об истории создания романа так: «В романе переплетаются две линии: история про дружинников — спецподразделение, которое занимается выдворением из города нежелательных элементов, — и история про школу. Так вот скелет и часть про «всадников апокалипсиса» мы придумали еще в 1998 г. Это такая материализация стереотипа массового сознания. Тогда нафантазировать подобное будущее было несложно. А история про школу родилась из серии детских рассказов, которую нам заказали в газете «Ленинские искры». Даня, который не сразу начинает ощущать себя учителем Даниилом Андреевичем, в школе, конечно, выглядит белой вороной. Первое его появление в школе убеждает в этом: «Парни свистят и бросаются тряпкой. Александра Васильевна тоже визжит, по классу начинают летать стулья. Одни из них грохается в едва открывшуюся дверь. Дверь захлопывается, потом открывается снова. С некоторой опаской. В класс заглядывает чернявый парень лет двадцати — джинсы, фурацилиновые очки; фасонистые татарские усики на смуглой физиономии; клубные ботинки и сумка

почтальон. Явно ошибся дверью. — Вот вам новый учитель! — бросается к нему Александра Васильевна. — Им всем неуд! Всем! Даниил Андреевич его зовут!»⁵ Получив позже возможность вести уроки истории, Даниил Андреевич стремится научить своих учеников думать, а точнее — просто разговаривает с ними о том, что волнует его самого: «Дети, я ни в коем случае не хочу окорачивать в вас такое естественное чувство, как патриотизм, но вы должны понимать, что в наше время для того, чтобы генерировать миф, вовсе необязательно строить подземные города и рассылать полстраны по “беломорканалам”. Достаточно запустить несколько циклов пафосных передач по центральному ТВ, и люди в маленьких уральских городках будут работать на заводах за тысячу рублей в месяц и гордиться своей великой отчизной»⁶. При всех априори непростых взаимоотношениях «учитель—ученик», школьники о Данииле Андреевиче, которому они дали прозвище Каркуша, говорили: «Каркуша — это наш упоительный человек-сюрприз. В десятом класса целый год втирал нам про исторический выбор и личное достоинство». Оказавшись после увольнения из школы в «Дружине», некоем антитеррористическом формировании, учрежденном властями для борьбы с нежелательными элементами, Даня становится чужим для всех. Неожиданные проблемы возникают и с его бывшими учениками, которых он учил никогда не поступаться принципами и которым рассказывал про Че Гевару и Пелевина. Герою суждена двойная жизнь, возникают проблемы с самоидентификацией (так, например, имя героя в одном абзаце может постоянно меняться: Даниил Андреевич, Данька, Каркуша, Чингис, лейтенант Ворон). «История про романтика, ставшего опричником, но не позаботившегося о том, чтобы потерять совесть, — очень хороший сюжет, чтобы понять, как все устроено здесь и сейчас. В основе “Лета” лежит очень точно подмеченный парадокс: всякий последовательно порядочный человек, не уходящий “в отказ”, неизбежно обречен на двойное предательство. В жизни это далеко не очевидно, а в романе, который устроен, как постепенно сужающийся коридор,— не просто очевидно, но неизбежно: нет ни одного момента, где герой мог бы поступить как-нибудь еще», — отмечает критик Л. Данилкин. Герой романа Курчатовой и Венглинской близок Виктору Служкину из романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил», который тоже вынужден работать школьным учителем, преподавателем экономической географии, чтобы прокормить семью — жену Надю и маленькую дочь Тату. Так же ощущая себя чужим в школе, Служкин выполняет собственную педагогическую установку: «Я — вопрос, на который каждый из них должен ответить». Служкин вовлекает своих учеников «не в рутинную процедуру отбывания учебной повинности, а в живой поиск живых истин. Его правота — не инструктивное морализаторство, не образцово-показательное предьявление того, как следует учиться, учить и жить, — наоборот, он нередко сокрушает не только рутинные, мертвые, но и непреложные нравственные законы, священные профессиональные табу. Его правота — в нем самом, в его незаурядности, нестандартности, искренности и обаянии. Поэтому дети и реагируют на него так страстно и непосредственно, поэтому и рвутся с ним в поход, поэтому и проживают этот поход так, что если не целую жизнь, то немалую ее часть наверняка будут на него с изумлением и благодарностью оглядываться»⁷. Во многих произведениях последнего десятилетия приход молодого героя в школу — это испытание, вынужденный временный шаг, обусловленный, как правило, жизненными неурядицами. Это «срок», который нужно отмотать, — так ощущает себя в школе герой повести Елены Георгиевской «Место для шага вперед», тоже ставшей лауреатом литературной премии «Дебют». Это история его работы учителем в маленьком городке, где некуда податься и нечем заняться, перипетии общения с коллегами и собутыльниками, склоки среди педагогов, безделье и пьянки учителей;

созревшие девочки-старшеклассницы, шашни с одноклассниками на уроках и заигрывания с молодыми педагогами; уроки, превращающиеся в балаган. Пожалуй, диагноз, который ставит Георгиевская современной провинциальной школе, работа в которой, по словам одного из героев, «счастье для мазохистов», — один из самых безжалостных и жестоких в прозе последних лет. Достается и учителям, и педагогическим вузам, и всей системе образования. Ср.: «Спасибо вам, мои учителя! Спасибо вам за то, что вы для меня не сделали. За то, чему вы меня не научили и вряд ли когда-нибудь научите. За то, что большинство из вас меня не любили, — вы не любите свободлюбивых, а только серых мышей или выскочек-карьеристов, играющих краплеными картами, но по системным правилам. <...> Когда вы проснетесь и начнете, как лирический герой Пастернака, орать, высунувшись в форточку: “Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?” — вас поднимут на смех, и правильно сделают»⁸. Критик О. Лебедушкина считает, что повесть Георгиевской — при всем юношеском максимализме автора — «среди всего, что написано сегодня о школе, наверное, единственная попытка серьезного социального анализа, когда все вещи торопливо, взхлеб, но искренне и гневно, названы своими именами»⁹. Безусловно, в этот ряд можно поставить и роман Владимира Козлова «Школа»¹⁰ о маргинальной жизни могилевского десятиклассника Бурого, трудного подростка из рабочей семьи, и только недавно опубликованную дебютную пьесу Анны Батуриной «Тарантул, Мастер Каллиграфии. Анимэ-мультифильм в одном действии»¹¹. Показателен иронический и абсолютно узнаваемый финальный монолог пьесы: учительница Нина Ивановна 1 сентября встречает свой 7-А класс: «Надеюсь, все играли в волейбол, жгли старые дневники, пробовали и курить, и нюхать клей, и пить пиво; надеюсь, все попадали в безвыходные ситуации, травились грибами, грабили ларьки, убивали кошек, разоряли сорочинные гнезда, уходили из дома, <...> в библиотеках давились школьной программой, — в общем, набирались, как могли, ценнейшего жизненного опыта... Теперь с этими экспериментами на время покончено! Я сделаю все возможное и призыву на помощь все потусторонние силы математических дисциплин, чтобы в этот учебный год ваша жизнь была максимально скучной и размеренной и ничто не отвлекало от систематического посещения школы. Пауза. <...> Скорее, скорее! Пойдемте в наш свежий, чистый класс! Там совершенно чудесно пахнет лаком и краской, морилкой, шпаклевкой, скипидаром, растворителем, но я надеюсь, уже подсохло».

Заслуживает внимания, что при страшном дефиците в школе учителей-мужчин, именно они становятся героями произведений современных писателей. Но, что грустно, практически никто там не задерживается. Так, герой повести молодого писателя Олега Лукошина «Ад и возможность разума» уходит из школы на стройку разнорабочим, но подрабатывает и репетитором; ходит по квартирам, от ребенка к ребенку, от проблемы — к проблеме, от одного мира к другому. Он боится своих школьных воспоминаний и встреч с бывшими учениками: «В школе я старался вести себя с ними корректно, ни на кого не повышал голос, как умел, шутил, и понимал, что им в общем-то не за что быть на меня обиженным. Однако, услышав на улице чей-то звонкий детский голос, который кричал мне “Здравствуйте, Иван Алексеевич! А почему вы из школы ушли?”, я старался, кивнув в ответ, быстро-быстро удалиться с места неожиданной и нежеланной встречи»¹². Герой повести Максима Осипова «Камень, ножницы, бумага», учитель русского языка и литературы из глухого провинциального городка, остро ощущает гендерную проблему современной школы: «Несколько учителей-мужчин — вот и вся наша городская интеллигенция. Врачей и священника к ней, увы, не отнесешь, а женщины в нашей школе безликие и какие-то обремененные, по большей части замужем за мелким начальством»¹³. Тоска

провинциальной школьной жизни ощущается очень остро и непоправимо: «Он приходит домой, нелепо обедает, с Ибсеном, так что через полчаса уже не может вспомнить, ел ли вообще. Счастливый, ничем не омраченный, почти *бездеятельный день* (выделено мной. — М. Ч.)». Практически дословная цитата из финала «Одного дня Ивана Денисовича» А. И. Солженицына лишь подчеркивает ассоциацию школы с зоной, из которой нет выхода. Жизнь на зоне приводит к изменению сознания, разрушению нравственных координат.

Очевидно, что мир провинциальной школы — испытание не только для учителя, но и, конечно, для ученика. Страшный маршрут из подобной провинциальной безысходности намечает молодой писатель Ильдар Абузяров в романе «XVIII»¹⁴. Бывшие школьники, провинциалы и маргиналы, по разным причинам оказываются в Петербурге, многие из них впервые попадают в большой город. Их восприятие Петербурга связано только с плохо усвоенными уроками по Достоевскому. Действие романа происходит в течение одной недели («Недельный роман» — указано в подзаголовке). «XVIII» — это то ли тюркское «прощайте», то ли римское XVIII, то ли название тайной организации 18-летних максималистов, собравшихся из глубинки в Петербурге и готовящих теракт во время встречи глав ведущих государств на форуме «Дети мира против террора». По мнению критика В. Пустовой, это «не просто повстанческий хук нищеты, ни даже — больше — нынешний образ революции, раскадрированной на локальные катастрофы, а может, и не образ революции-вообще, совершаемой силами голодного варварства против духа цивилизации и техницизма, — шесть дней недельного романа проходят как шесть дней творения, в финале которого должен прозвучать взрыв, подобно тому как взрыв был необходим для начало мира». За неделю автор доводит до апогея и катастрофического разрешения внутренний конфликт современной цивилизации. Особняком среди апокалиптических взглядов на природу современной школьной жизни стоят немногочисленные произведения современной прозы, в которых учитель — яркая индивидуальность. Однако сразу необходимо подчеркнуть, что это произведения авторов, воспитанных так называемой «советской школой». Это, например, документальная проза Эльвиры Горюхиной «Путешествие учительницы на Кавказ»; ее автор — психолог, преподаватель педагогического университета в Новосибирске, журналист. Это рассказ странствующей учительницы, отправившейся в хождение за правдой, которую ей не могли дать ни власть, ни пресса, ни книги. Десять лет Э. Горюхина ездила из Сибири на Кавказ, ходила по фронтовым дорогам Абхазии и Чечни, потому что не могла оставаться равнодушной к людскому горю, искала ответы на вопросы своих учеников. В очень точной, острой, написанной с юмором документальной прозе Александра Усольцева «Четыре четверти»¹⁵ молодой и уверенный в себе выпускник педагогического вуза приезжает в деревню учительствовать и ... начинает учиться заново. Четыре четверти учебного года в обычной школе в глубинке. В этой школе нет Учителя с нимбом над головой, как нет и «училки с хвостом и рожками». В этой школе нет ни героев, ни злодеев, а есть ученики, которые учатся и которые учат ... своего учителя. Повесть лауреата Букеровской премии 2009 г. Елены Чижиной «Крошки Цахес» — это гимн учителю, столь редкий в современной литературе. В интервью писательница призналась: «Я вообще очень счастливый человек, в моей жизни была любимая учительница, о которой я написала в романе «Крошки Цахес». Она определила всю мою дальнейшую жизнь. Она очень сложный человек, но это тот человек, который показал мне иерархию ценностей. Я всегда радуюсь за тех людей, которым посчастливилось в детстве встретить такого человека. Если ребенок вооружен правильными, не искаженными представлениями о добре и зле, то он сумеет как-то вы-

рулить. Но если этого не случилось, то я очень ему сочувствую». В повести рассказывается о том, что в закрытой ленинградской школе с английским уклоном среди детей райкомовских работников есть несчастливая девочка, которая искренне влюблена и безгранично предана умной и тонкой учительнице английского языка, некоей Ф. Удушающую реальность 1970-х гг. (показуха элитарной спецшколы, открытые уроки для иностранных делегаций) Ф. решительно не принимает и вопреки всему создает школьный театр, где ставит пьесы Шекспира; театральная реальность для Ф. и ее учеников постепенно вытесняет реальность настоящую. Ф. предстает в повести как фигура совсем не однозначная: она жестка и непримирима, в чем-то авторитарна. Она убеждает учеников, что в мире, в котором все равно тобой управляют, надо понять и выбрать: кто и ради чего будет тобой манипулировать. «Ф. использует этот простой механизм для того, чтобы воодушевить и привить девочке духовное противоядие, приобщить к высокой культуре. Люди, превратившиеся в марионетки, за веревочки которых дергает государство, для Ф. мертвы. Отстраняется от них и героиня, становясь «самой истовой ее (учительницы Ф. — М. Ч.) служанкой». Повесть Чижовой — пример обращения к школьной теме через призму автобиографизма. И именно в таком ракурсе зрения становятся очевидными и понятными многие тенденции современного изображения школы и учителя. Это школа, пропущенная через личный опыт писателя, это своеобразное сканирование этапов взросления целого поколения. Постановка большого и очень личного (во многом опять же автобиографического) вопроса о трагедии взросления стала толчком для создания удивительно трепетной и острой повести Егора Молданова «Трудный возраст»¹⁶, получившей номинацию «Мужество в литературе» независимой литературной премии «Дебют». В одном из интервью молодой писатель, трагически ушедший из жизни в декабре 2009 г. в возрасте 22 лет, рассказал о своем замысле так: «“Трудный возраст” — история не лично моя, это история моего детства. Иногда мне хочется громко крикнуть всем родителям, учителям, даже прохожим: “Господи, ну что вы творите со своими детьми, почему вы настолько невнимательны к их проблемам, которые кажутся вам мелочными и ничтожными?! Мне не хочется, чтобы какой-то подросток повторил фразу моего главного героя: “Я не трудный — я труднодоступный”. Скорее всего, главной задачей при написании книги было, чтобы ребенок, подросток осознал: он в этом мире не одинок, его проблемы решаемы, что настоящая дружба и светлая любовь существуют, что вокруг него Люди и что он — ЧЕЛОВЕК». Учительница литературы Матильда убедила главного героя повести писать книгу, которая должна «вылечить от воспоминаний прошлого». Женя Тихомиров, он же Аристарх, он же Сильвер (столько у главного героя по ходу повести появляется имён) воспитывается в благополучной семье. Случайно он наталкивается на документы о своём усыновлении; сразу начинаются конфликты с родителями, которые со временем просто выгоняют мальчика из дома. Так появляется Аристарх (такое имя было у героя до усыновления). Смена имени — безусловно, знак перехода в иное качество, начало самоидентификации и начало нового жизненного этапа, символизирующего конец детства. Уйдя из дома, он испытывает все ужасы, которые может испытать бездомный. Спасает героя дружба с Комаром, мальчишкой более страшной судьбы: «Жизненные обстоятельства столкнули нас лбами и высекли искру взаимопонимания, и мы потянулись друг к другу, как слепые котята, понимая, что только вместе сможем противостоять тому большому миру, в котором вынуждены были жить. До Комара я думал, что можно прожить без дружбы, после него я понял: дружба — это прекрасно, настолько прекрасно, что всё остальное не имеет значения». Сюжет развивается как цепь переходов героя из одного замкнутого пространства в другое. Сначала — это дом-клетка и школа-Пентагон («Нас в

Пентагоне учат трём вещам: молчать, стучать и не иметь своего мнения»), затем детский дом, прозванный за форму здания Клюшкой («Когда я был ребенком, то говорил, как ребенок, воспринимал мир, как ребенок, думал, как ребенок, но, когда я попал на Клюшку, я забыл о детстве»), потом Бастилия — колония общего режима для несовершеннолетних, с которой и начинается повествование. Описывая ужас травли сверстниками, жестокость «взрослого мира», драматическое, но принципиальное для героев сопротивление серой массе, воспроизведя неприглядную модель отношений между учителями и учениками и между самими учениками, Молданов выходит к художественному обобщению: семья, школа таковы, каково общество. «Несвобода — его закон. Поэтому любое проявление свободы, инаковости воспринимается как нечто априори враждебное, как посягательство на безопасность. Выжить в мире стандартов, сохранив личное достоинство и честь, оказывается нелегко»¹⁷. Традиции «Подростка» Ф. Достоевского и «Республики Шкид» Г. Белых и Л. Пантелеева явно угадываются в повести Молданова, главный герой которой говорит: «Я научился не бояться и не дрожать на морозе, потому что мы жили в зоне вечной человеческой мерзлоты». Критики, откликнувшись на неприглядное изображение современной школы, посчитали, что в «литературном зеркале» современной прозы школа посттоталитарная и постсоветская оказалась страшнее школы тоталитарной и советской, а учитель — «давно уже никакой не наставник, не гуру, не носитель истины, а маргинал, стоящий на самом краю общества, собственно, на дне. То есть все же на твердой почве. А вот дальше начинается социальная бездна, в которую заглядывают уже и без всякого ужаса, просто по привычке к тому, что ничего нельзя изменить»¹⁸. Однако все же необходимо вспомнить, что критическое изображение школы являлось своеобразным лейтмотивом всей русской классической литературы (это и «Очерки Бурсы» Н. Помяловского, и автобиографическая повесть С. Аксакова «Гимназия», и роман «В путь-дорогу!» П. Боборыкина, и «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского, и «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля, и повести Л. Чарской, и мн. др.).

Школа — едва ли не самое массовое социальное учреждение. Поэтому вполне закономерно, что все особенности нашего социума и нашего «ксеркса культуры» (по определению Ж. Бодийара) могут сканироваться через образ Школы и образ Учителя, причем сканироваться с помощью широкого использования инструментария массовой культуры. Школа — живой социальный институт, в котором концентрируются человеческие характеры и оживают разнообразные стереотипы. Для героев произведений, о которых шла речь в этой статье, школа является площадкой, на которой ставятся эксперименты, проверяются гипотезы, ищутся ответы на большие вопросы, это этапы и формы жизненного пути, самоопределения, познания себя и мира. «Я человека ищу, всю жизнь ищу — человека в другом человеке, в себе, в человечестве, вообще человека!», — говорит один из героев о своем предназначении учителя. Хотелось бы, чтобы эти поиски современной литературы все-таки увенчались успехом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Архангельский А.* Доумрем до понедельника // Огонек. № 2 (18. 01. 2010).
2. См. об этом: *Лебедушкина О.* Прощай, королевская грусть? О любимчиках и пасынках «нового производственного романа»- 2 // Дружба народов. 2009. № 11.
3. *Грякалов А.* Философия и транспедагогика детства // Инновации и образование: Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”. Вып. 29. СПб., 2003. С. 53—62.
4. *Курчатова Н., Венглинская К.* Лето по Даниилу Андреевичу. СПб.: Амфора, 2007. С. 56.
5. Там же. С. 77.

6. Там же. С. 99.
 7. *Ребель Г. М.* Явление географа: роман А. Иванова «Географ глобус пропил» // http://www.arkada-ivanov.ru/ru/meth_learn/javlenie/
 8. *Георгиевская Е.* Место для шага вперед // Волга-XXI век. 2007. № 11—12.
 9. *Лебедушкина О.* Указ. соч.
 10. *Козлов В.* Школа. М.: AdMarginem, 2003.
 11. *Батурина А.* Тарангул, Мастер Каллиграфии. Анимэ-мультфильм в одном действии // Урал. 2010, № 2.
 12. *Лукошин О.* Ад и возможность разума // Урал. 2008. № 5.
 13. *Осипов М.* Камень, ножницы, бумага // Знамя. 2009. № 7.
 14. *Абузяров И.* ХУШ. Недельный роман // Октябрь. 2008. № 6.
 15. *Усольцев А. П.* Четыре четверти. Екатеринбург, 2009.
 16. *Молданов Е.* Трудный возраст // Урал. 2009. № 10.
 17. *Красовская С.* Взыскующий сострадания // Литературная Россия. № 1. 15. 01. 2010.
 18. *Лебедушкина О.* Указ. соч.
-